

Фредрик Джеймисон

Заметки о «Номосе»*

Аннотация. Работа Карла Шмитта «Номос земли в праве народов *Jus Publicum Europaeum*» поразительно современна своим постмодернистским анализом пространства и своим антиамериканизмом. Однако наиболее важна у Шмитта философия истории номоса, связанная с обсуждением понятий о разграничении областей закона и беззакония.

Ключевые слова. Карл Шмитт, номос земли, пространство, государство, море, война.

I

По меньшей мере в двух отношениях книга Карла Шмитта «*Номос Земли*» поразительно современна:

А. В ней предлагается новаторский постмодернистский анализ пространства, который, сочетая в себе правовые и географические референции, превосходит и те, и другие (см. ниже).

Б. Ее резкий антиамериканизм (вызванный длительным пребыванием Шмитта в заключении и допросами после войны) вполне может считаться продолжением самых разных европейских традиций (в том числе — исключения Англии из Европы), вплоть до холодной войны и далее, он предвосхищает превращение Соединенных Штатов в «единственную сверхдержаву», обесценивающую и опрокидывающую старое европейское международное равновесие и всевозможные толкования «справедливой войны». Это же касается и бесчисленных конструкций и аргументов, с помощью которых, «например, теоретики Лиги Наций и американские юристы и политики старательно воскрешают средневековые доктрины, прежде всего учение о справедливой войне, чтобы поставить его на службу своей собственной картине мира»¹.

Ирония состоит в том, что Шмитт в результате ассоциирует геббельсовскую идею «тотальной войны» с послевоенными Соединенными Штатами.

II

Однако истоки «пространственного мышления» в книге имеют более традиционный характер. Шмитт следует Гуссерлю и его критике современной абстракции (в «Кризисе европейских наук»). Для Гуссерля упадок начинается с отделения геометрии ([что можно также толковать как ее] забвение и/или вытеснение) от экзистенциальной землемерной практики в древнем Египте. Шмитт диагностирует сходное вырождение правовой традиции, разорвавшей связи с грубым географическим фактом *Landnahme*, то есть захватом и присвоением земли как таковой. (Следует добавить, что данные термины неточны и анахроничны, потому что служат кодификации или идеологическому оправданию ситуации «захвата земли» для определенного исторического *номоса*. Это уточнение, однако, показывает, что у Шмитта понятие *номоса* является своего рода эквивалентом функции «способа производства» в марксизме, то есть обозначает структуру тотальности, принимавшую различные исторические формы.)

* Jameson F. Notes on the *Nomos* // South Atlantic Quarterly. 2005. 104(2). P. 199–204.

© Duke University Press, 2005.

© Корбут А., 2009.

© Центр фундаментальной социологии, 2009.

¹ Schmitt C. Der Nomos der Erde im Völkerrecht des *Jus Publicum Europaeum*. Berlin, 1988. S. 26. Далее все ссылки в тексте даются на это издание. [См. в русском переводе: Шмитт К. Номос земли в праве народов *Jus Publicum Europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 28. — Прим. ред.]

III

Но эта феноменологическая пространственность, противостоящая конкретной практике (обмера земли у Гуссерля, присвоения земли у Шмитта), столь же регрессивна, как и хайдеггеровская онтология, с которой она, безусловно, тесно связана. У Хайдеггера и аутентичное, и конкретное (там, где это не одно и то же) сходным образом выражают ностальгию по старой доброй исконной немецкой деревне (о чем свидетельствуют многочисленные хайдеггеровские «*preuves par l'étymologie*»^{*}, которые, как много лет назад заметил Жан Полан, на самом деле являются философскими аргументами^{**}). Мне всегда казалось парадоксальным, что постэкзистенциалистские мыслители, вроде Деррида, столь очарованы этим онтологическим мировоззрением. Однако Шмитт, в отличие от того, к чему приходят Гуссерль и Хайдеггер, демонстрирует глубокую неопределенность и колебания между подобной онтологической ностальгией и, скорее, марксовым историзмом различных структурных моментов *номоса*.

IV

Таким образом, кажущаяся изначальной противоположность земли и моря (которая позже была релятивизирована и историзирована) – земного порядка и морского беззакония – не может вызвать, несмотря на делезианские обертоны, различимые в противопоставлении гладкого (морского) и изборозжденного (сухопутного) пространства, ностальгии по кочевникам, по цыганам или охотникам-собираателям, вроде того утопического и руссоистского преклонения перед ранними социальными формами, которое берет начало в леви-строссовском структурализме.

V

Однако противоположность сухопутной власти и власти морской (теоретически осмысленная сэром Альфредом Тайером Мэхэном^{***}) не может быть описана по шаблону холодной войны (Соединенные Штаты против России). С другой стороны, уподобление в современный период войны в воздухе войне морской в перспективе ставит пределы визионерству Шмитта и его предвидениям «тотальной войны» постмодерна (см. ниже).

VI

Мы сталкиваемся с подлинно оригинальным «пространственным мышлением» Шмитта в его историческом обсуждении специфического института «линии дружбы» (*friendship line*), *rayas*. Она превращается во франко-английскую «линию дружбы» (*amity line*)², отделяющую «цивилизованную» область, в пределах которой европейские державы чтят договоры и правовые соглашения, от ничейной земли, где допустим любой разбой (пиратство, государственный или индивидуальный грабеж, нападение на государства, с которыми по ту сторону линии поддерживается мир). В этом особом *номосе* сосуществуют два пространственных мира: в первом господствует специфическое международное право, во втором – естественное состояние или анархия.

* Доказательства через этимологию (*фр.*). – *Прим. ред.*

** См.: *Paulhan J. La preuve par l'étymologie. Cognac cedex : Le Temps qu'il fait, 1998. – Прим. ред.*

*** Альфред Тайер Мэхэн – американский адмирал и геополитик, придававший огромное значение военно-морским силам в новом мировом порядке и весьма успешно способствовавший развитию и строительству военно-морского флота накануне Первой мировой войны. Осуществлял также и образовательную деятельность, известность получил его труд «*The Influence of Sea Power upon History*», опубликованный в 1890 году – *Прим. ред.*

² *Schmitt C. Op. cit. S. 59. [Шмитт К. Цит. соч. С. 73].*

А. Игнорирование этого по сути юридически-пространственного института ведет к непониманию философской мысли того периода, начиная с Паскаля и Гоббса и заканчивая Локком³.

Б. Уподобление пирата тирану⁴ исподволь предлагает любопытное переосмысление книги Бенямина о барокко*, которой восхищался Шмитт и где центральное место занимает тирания.

В. Морская стихия «за линией» сулит первое, пространственное, английское приближение к *Ausnahmezustand*, или «чрезвычайному положению»⁵, которое играло ключевую роль в ранних работах Шмитта («Суверенен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении»^{**}). Она также предвосхищает утопическое включение областей абсолютной свободы или беззакония, как в «Тритоне» Сэмюэля Дилэни, законной ничейной земли, в пределах которой дозволено всё, – своего рода пространственный эквивалент бахтинского карнавала.

Г. В известном смысле, концептуальная несопоставимость законной области международного права (земли) и состояния анархии (моря) становится основанием для пессимистических взглядов Шмитта, считавшего, что англосаксонская «тотальная война» сначала – с помощью английских пиратов, затем – в результате американского вторжения в Европу, начавшегося после Первой мировой войны, возобладала над старой законопослушной континентальной Европой (с ее «справедливыми войнами»).

Д. Пространственное мышление Шмитта оказывается «структуралистским» таким же образом, как британское морское могущество выступает эксцентрическим, леви-стрессовским, внешним, третьим в двусторонних взаимоотношениях континентальных государств, в системе, положившей конец религиозным и феодальным войнам после Вестфальского мира (1648). Так что в конечном итоге оказывается, что между землей и морем вообще не было дуализма.

VII

Понятие *номоса* как периодизирующей и структурной категории (демонстрирующей семейное сходство не только с марксистским «способом производства», но и с фукоистскими «историческими эпистемами») неизбежно приносит с собой проблему разрыва, не разрешаемую идеей «перехода». Однако у Шмитта факт разрыва задает энергетику. Это связано прежде всего с тем, что, как предполагается, любой разрыв, любой исторический распад сложившегося *номоса* повлечет за собой требование создать исторически оригинальную новую правовую надстройку, или *Novum*^{***}. Далее, благодаря данному требованию, на должном месте оказывается понятие активного момента, отличающего конститутивную власть того типа, о котором в наше время теоретизирует Антонио Негри и, в свою очередь, раскрывает кажущийся пессимизм открытого финала книги.

VIII

«Философия истории» *номоса* насчитывает по крайней мере три момента. В этой средневековой перспективе первое пространство веры, империи или папства сталкивается с пространством неверия или ереси.

³ Ibid. S. 63-66. [Там же. С. 88-92].

⁴ Ibid. S. 34. [Там же. С. 43].

* См.: Бенямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. СПб.: Аграф, 2002. – Прим. пер.

⁵ Schmitt C. Op.cit. S. 66. [Шмитт К. Цит. Соч. С. 92].

** См.: Шмитт К. Политическая теология // Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2000. С. 15. – Прим. ред.

*** Новое (лат.) – Прим. ред

А. Первое пространство квалифицируется как *kat-echon*, или местоблюститель/держатель, божественного (отсылка к Апокалипсису⁶); второе может легко превратиться в доцивилизационное пространство, в то время как вся система может легко скатиться к нынешней ситуации «тотальной войны». Теперь мы знаем, что эта ситуация — не просто отражение американо-протестантского ханжества; она также сопровождается возвращением религиозных войн и конфликтов.

Б. Средневековая система испытывает первый разрыв в результате открытия Нового Света и возникновения проблемы массового неверия. Какая концептуальная система или *номос* может оправдать *Landnahme* этих бескрайних континентов? Этот вопрос адекватно поставил лишь Франсиско де Витория^{*}.

В. Период смятения — религиозных войн, но также, возможно, доминирования Англии на море — приводит к появлению вестфальской системы национальных государств, в которой впервые возникает новый *номос* равенства государств и «друга—врага». Оппозиция «друг—враг» возможна только между равными: она включает и гегелевское признание, за тем исключением, что если гегелевская борьба нацелена на получение признания, то версия Шмитта начинает работать лишь тогда, когда взаимное признание уже обеспечено. На уровне индивидов аналогией служит дуэль. Такого рода войны — это обычно династические войны или войны за наследование. Они сменяют и вытесняют феодальные и религиозные кровавые боины, являющиеся результатом распада предыдущего *номоса*, и оцениваются позитивно.

Г. С распадом вестфальского *номоса* вследствие вторжения Соединенных Штатов в Европу (что само по себе является продолжением британского морского владычества как не-места за пределами европейской системы^{**}), Первая мировая война намечает чудовищную перспективу «тотальной войны» и отсутствия *номоса*.

IX

Система друг—враг — подлинно оригинальная форма пространственного мышления, «понятие», которое нельзя помыслить независимо от пространственных отношений; понятно при этом, что последнее не является автономной формой мышления и что мышление Шмитта совершенно не является географическим, если понимать под географией особую дисциплину. Но это также критика юридического, в том смысле, что и оно не автономно, но требует завершения в пространстве^{***}.

X

И все же пророчество о возвращении воздушных сил в тотальную войну с замещением пары «друг—враг» на «я—другой», «человек—недочеловек» верно лишь отчасти, поскольку отныне это уже не вопрос воздуха как стихии, а вопрос киберпространства. Информация — новая стихия, заново проблематизирующая пространственное.

*Перевод с английского А. Корбута
Под научной редакцией С. Баньковской*

⁶ См. об этом: *Balakrishnan G. The Enemy: An Intellectual Portrait of Carl Schmitt. London: Verso, 2000.*

^{*} О де Витория Шмитт подробно пишет в «Номосе земли». — *Прим. ред.*

^{**} Европейская континентальная система, согласно Шмитту, привязана к *месту*, все границы внятно сопрягаются с территорией. Английская морская держава не определяется через место, территорию, границы, владычество Англии на море позволяет говорить о ней как не-месте. — *Прим. ред.*

^{***} Весь аргумент Шмитта строится на том, что право — это всегда право, относящееся к некоторому пространству, а не абстрактная норма. — *Прим. ред.*